

**Пролог из книги Лэнса Паркина «Хроники Галлифрея»
(EDA73 - The Gallifrey Chronicles, by Lance Parkin)**

— Никаких докторов!

От этих слов некоторые из родственников вздрогнули, а затем смущённо переглянулись. Одна из тётушек отвернулась и приоткрыла окно. В комнату зашёл прохладный воздух; лежавший в постели старик недовольно посмотрел на неё, но ничего не сказал.

Рейчел сидела у его кровати. Родственников она видела в виде силуэтов. Чёрные очертания людей. Мужчины в костюмах, женщины в одежде, пошитой на заказ, непоседливые дети в лучшей своей выходной одежде. Она не видела, сколько всего их собралось. Но прибыли почти все. Столпились вокруг.

Окружили.

— Этот дом такой хороший, — сказала другая тётка. Она стояла у окна и смотрела на пышный зелёный сад.

— На удивление большой, — согласился дядя.

— Слишком тёмный, — сказал женский голос.

— Захламлённый, — подал голос ещё кто-то, и в ответ раздалось тихое одобрение.

Запястья Рейчел что-то коснулось, словно бабочка задела.

Она посмотрела на старика. На неё смотрели его слезящиеся глаза. Он обессилел от того, что поднял руку. Он слышал каждое их слово.

— Не дайте им уничтожить книги, — сказал он, достаточно громко, чтобы все услышали. — Эти книги — моя жизнь.

Этой жизни осталось уже не много. Он немного пошевелился в постели, и на мгновение его спину пронзила боль. Он раскрыл рот, но звука не последовало.

Рейчел знала его не так уж давно, но в последний месяц он явно начал увядать. Он был очень стар (насколько именно, ей в агентстве не сообщили, но ей казалось, что ему за восемьдесят), у него были жидкие седые волосы и тонкая белая кожа. У него был орлиный нос и высокий лоб. Красивые голубые глаза, хотя сегодня они были немного

водянистые. Он уже очень давно не вставал с кровати, сейчас ему уже с трудом удавалось даже сесть. Когда она в первый раз мыла его в постели, её поразило, что он был меньше и легче, чем она думала.

Однажды она видела его портрет на одной из суперобложек. Раньше он держался с таким достоинством.

— Он прожил хорошую жизнь, — тихо сказал один из внуков.

— Он был другом Герберта Уэллса, — прошептал своей жене другой. — Писал научную фантастику ещё до того, как придумали этот термин.

— У тебя есть что-нибудь из его книг?

— У меня *есть* несколько штук, но это не значит, что я их читал, — ответил мужчина, вызвав виноватый сдержанный смех ещё у нескольких родственников.

— Новые не все опубликованы, — попытался объяснить старик.

— Не все, — сочувствующим голосом сказал внук. — Но ты всё равно продолжал их писать, да?

— Ручку, — потребовал старик.

Рейчел подала ему синюю шариковую ручку и блокнот. Некоторые из родственников нервно переглянулись. У него всё ещё было время на то, чтобы изменить завещание.

Он в очередной раз попытался нарисовать это. Он начал с круга. Затем что-то вроде незавершённых восьмёрок внутри круга, с завитками сбоку. Это было смутно похоже на кельтский узор. Он снова сдался, не сумев нарисовать правильно. Это была самая удачная попытка из примерно двадцати страниц. Блокнот уже почти закончился. На каждой странице он рисовал два, три или четыре круга.

Он выронил ручку. Рейчел поймала её, не дав скатиться с постели, и попыталась снова вставить её в его пальцы. Старик отказался брать её, или ему просто не хватило на это сил.

— Нет, — сказал он.

Рейчел улыбнулась.

— Вы говорили, что это всегда было нелегко нарисовать, — ласково сказала она.

— Шестьдесят метров в диаметре, — сказал он, сердясь на себя. — Махонит, инкрустированный в белый мрамор. Такой круг... должен... Он занимал весь центр... зала. Большого зала. С шестиугольными стенами и статуями размером с многоэтажные здания... Проклятье! Я хотел нарисовать его правильно. Когда я закрываю глаза, я его вижу. Но я даже не могу вспомнить название... Я не могу вспомнить. Я там родился. Прожил там несколько жизней. Это *важно*.

Родственники переминались с ноги на ногу. То ли их смутила эта вспышка эмоций, то ли они переживали, что в нём осталось больше жизни, чем они думали.

Старик посмотрел по сторонам, словно извиняясь.

— Если бы я хотя бы вспомнил название, — объяснил он. — Я единственный на Земле, кто помнит. Вот только... Только я не помню. Вы понимаете меня?

Рейчел попыталась изобразить на лице согласие. Но каждый раз, когда он раньше пытался это объяснить, это было для неё слишком сложно. Она считала, что он искренен, вот в чём дело, но она его не понимала.

— Я верю вам, Марнал, — прошептала она.

Это был его писательский псевдоним. После ухудшения здоровья он настаивал на том, чтобы его называли так, но никто не соглашался.

Он вздохнул и опустил голову на подушку. Его веки сомкнулись, выдавив слезу. Он тяжело вдохнул.

— Теперь у меня нет времени. Боже, как бы я хотел вспомнить название.

Его голова немного сдвинулась, лицо расслабилось.

Рейчел внимательно смотрела на него в течение минуты, затем поднесла тыльную сторону руки к его ноздрям, как её учили. Она приложила палец к его шее, прождала целую минуту. Один из родственников, мужчина за тридцать, посмотрел на неё, не решаясь задать вопрос вслух.

Она кивнула:

— Он умер.

Один за другим, родственники начали выходить. Большинство, по крайней мере, оглядывались на него; одна из его дочерей демонстративно поцеловала его в щёку, и вторая дочь последовала примеру.

А затем они ушли. Рейчел представила себе, как они сейчас все внизу, наверное, разошлись по комнатам и сортируют содержимое на «добро» и «мусор».

Она снова повернулась к Марналу. Он выглядел ещё меньше и старше, чем раньше. Умиротворённый. Казалось, ей нужно помолиться о нём. Вместо этого она подошла к окну и закрыла его. Сад в это время года был такой разноцветный. Немного заросший, но с пятнами жёлтого, оранжевого, красного и пурпурного на тёмно-зелёном фоне. Большие деревья. Пара детей помладше уже выбежали наружу и карабкались на них, как будто ничего и не произошло.

— Жизнь продолжается, — сказала она.

Рейчел снова повернулась к старику. Его кожа была не совсем бледная. Она не ожидала такого, но ведь она и не знала, чего ожидать. Никто из её пациентов раньше при ней не умирал, во всяком случае прямо на её глазах. Говорят, что с мёртвыми телами могут происходить странные вещи.

Но было что-то... кожа старика светилась. Едва-едва, во всяком случае по началу, но слишком ярко, чтобы это можно было списать на игру света. Ей это казалось ненормальным. Лицо стало похожим на пересвеченное фото; его брови, контуры носа и губы растворились в белизне.

Она не сводила глаз с лица старика, и когда оно прекратило светиться, это было лицо молодого мужчины.

Карие глаза распахнулись.

— Галлифрей, — сказал молодой человек.